

УДК 630*902

ВОПРОС О СОБСТВЕННОСТИ НА ЛЕСА В ЦЕЛЯХ ИХ СОХРАНЕНИЯ В РОССИИ XVIII В.

© *Е.М. Лупанова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.*

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, г. С.-Петербург, Россия, 199034; e-mail: lupanova@eu.spb.ru

Статья написана на основе литературных источников, а также впервые вводимых в научный оборот архивных документов, которые помогают вскрыть проблемы, возникшие как следствие изменения позиции правительства по вопросу о собственности на леса. В центре внимания процесс становления государственной монополии на леса в связи со строительством флота при Петре I и изменение ситуации в течение XVIII в. Рассмотрены попытки решения этих проблем путем изменения законодательства, а также нереализованные идеи, предлагавшиеся в качестве проектов. На протяжении всего XVIII в. вопрос о собственности представлялся правящим кругам ключевым для обеспечения сохранности лесов, однако выбор заинтересованного и ответственного собственника оставался спорным. В начале века строительство флота породило необходимость государственного контроля над лесными массивами, а также целую систему правовых норм и чиновничий аппарат, осуществлявший контроль за исполнением этих норм. Таким образом появляется концепция необходимости охраны лесов, которая начинает реализовываться в политике. Однако методы ее реализации оказываются не всегда удовлетворительными, так как не всегда ведут к ожидаемым результатам. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что незаконные вырубки, нерациональное использование ресурсов и другие нарушения были типичными для русской действительности. В данной связи появляется мысль о том, что частные собственники могли бы более эффективно контролировать свои земли, чем государственные чиновники. Увеличение вырубок в связи с развитием промышленности и флота приводит к ситуации, когда проблема сохранения лесов осознается не только в правительственных кругах. Крестьяне, страдающие от недостатка материалов, топлива, приходят к осознанию необходимости бережного отношения к природе. Постепенно охрана лесов становится не только направлением правительственной политики, но и частью сознания русского общества.

Ключевые слова: охрана лесов, Россия XVIII в., законодательство, трактовка законов, собственность.

В начале XVIII в. в связи со строительством флота и началом форсированного развития промышленности лесные просторы страны были осознаны как особая ценность, важный природный ресурс, который может быть исчерпан с течением времени и потому нуждающийся в особом внимании и береж-

ном отношении. Проблема лесоохраны с петровских времен стала важной частью правительственной политики.

Целая серия указов была направлена на прекращение свободной рубки. Леса из дуба, ильма, вяза, клена, ясеня, лиственницы, мачтовой сосны, растущие в непосредственной близости от рек, объявлены заповедными. Так устанавливалась государственная монополия на использование лесов. Неприкосновенность заповедников распространялась как на казенные, так и на частные владения.¹ Охрана богатств, представляющих ценность для государства, возлагалась на специально учреждаемые для этих целей ведомства и чиновников.

Уже при строительстве Азовского флота были назначены лица, ответственные за леса. Правда, сначала подразумевалась ответственность не столько за надзор и сохранение лесов, сколько за процесс заготовки материалов.

В 1706 и 1708 гг. в связи с активным строительством Балтийского флота были выделены годные на кораблестроение леса в Петербургской губернии. Они были объявлены заповедными и переданы в ведение адмиралтейской канцелярии. Для непосредственного надзора над ними был назначен стольник – князь Ю.Я. Хилков. Обязанность по охране лесов на местах была возложена на выборных из местных жителей и на помещиков. Затем стали назначать драгунов из канцелярии петербургского обер-полицмейстера и ингерманландской канцелярии. С 1715 г., когда Балтийский флот достиг определенного уровня развития, потребовалась более сложная и слаженная система управления и администрации, был запущен процесс организации морского ведомства. В сфере надзора за лесами это выражалось в появлении канцелярии (иногда именовавшейся конторой) лесных дел во главе с комиссаром. Находилась она в Москве. Руководителем ее был назначен уже осуществлявший надзор за лесами Ю.Я. Хилков. В его подчинении находился дьяк (или секретарь) и несколько подьячих (канцеляристов) [4, с. 3–20].

К 1722 г. относится окончательное оформление системы управления морским ведомством в том виде, в каком оно будет с незначительными изменениями существовать до министерской реформы Александра I. Регламент Адмиралтейства и верфи устанавливал систему управления и порядок делопроизводства. В частности, в нем говорилось о вальдмейстерской конторе в составе Адмиралтейств-коллегии. Именно здесь отныне сосредотачивалось

¹ Именной [указ] о нерасчистке лесов под пашню и сennie покосы за 30 верст от рек удобных к сгонке леса. 30 марта. 1701 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1833. (ПСЗ I). Т. IV. №1 845. Именной [указ] об описи лесов во всех городах и уездах от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст. 19 ноября 1703 г. // Там же. №1 950. Именной [указ] о нерубке в Ингерманландии заповедных лесов. 25 марта 1715 г. // Там же. Т. V. №2 895. Именной [указ], данный вице-губернатору Кудрявцову на поданные им пункты о сохранении дубовых лесов и о жестоком наказании тех, которые станут рубить, так же и тех, которые рубить прикажут; о выборе лесных надзирателей и о даче им особых клейм с гербом для заклеивания деревьев. 31 января 1718 г. // Там же. №3 149.

управление лесами, контроль за их состоянием, организация описаний, заготовок, доставки материалов.

В 1722 г. для непрерывного заведывания заповедными лесами в составе Адмиралтейства была учреждена должность обер-вальдмейстера. Назначение на эту должность получил майор лейб-гвардии Преображенского полка П.С. Глебовский, заслуживший репутацию на поле брани и пользовавшийся личным доверием царя. В помощь П.С. Глебовскому были учреждены должности вальдмейстеров в Петербурге, Новгороде, Воронеже, Рязани, Брянске, Смоленске, Муроме и «где еще окажется нужным». В Казани на тот момент была в разгаре широкая заготовка материалов для строительства флота, которой ведал вице-губернатор Н.А. Кудрявцев, фактически выполнявший обязанности вальдмейстера [3, с. 32, 64–65].

Лесные стражи быстро становились важными чиновниками на местах. Страж мог не иметь никакого чина по табели о рангах, но с ним должны были считаться все без исключения жители региона, так как ни один из них не мог обходиться без дерева как важного материала для хозяйственных работ и поддержания тепла в жилище зимой. Тем более обязаны были считаться с новым начальством те, кто занимался промыслами. Строгость петровского законодательства ставила лесных надзирателей в очень выгодное положение, когда им даже не обязательно было постоянно находиться в лесах, чтобы проявить себя добросовестными хранителями интересов государства. Достаточно было пройти по дворам ближайшей деревни, чтобы обнаружить там недавно срубленные избы, запасы дров в сараях, телеги, бочки, колы, плуги и задаться вопросом о том, какой материал был использован для изготовления, насколько законно, затем произвести следствие и доложить о проведенной работе.² Здесь впервые возникает проблема собственности или передачи в ренту в целях обеспечения сохранения лесных массивов. Особые чиновники – вальдмейстеры и сменившие их позже форстмейстеры – подчас воспринимали свои полномочия как форму феодальной ренты. Государственную службу по пресечению незаконных порубок, расчистке и разведению лесов они несут за право взимания в свою пользу штрафов и денег за санкционирование пользования лесами.

Идеи установления жесткого контроля, насквозь пронизывавшие петровское лесное законодательство, во второй четверти XVIII в. ставятся под сомнение. Указ от 30 декабря 1726 г. критиковал сложившуюся ситуацию, в которой «леса заповеданы, ... едва может ли где сыскаться свободное место, где б было не заповедано... Вальдмейстерам и их подчиненным жалованье брать повелено из штрафных денег... того ради оные и их подчиненные для своей пользы приметываясь к народу чинят обиды...». Площадь охраняемых лесов была сокращена, должность вальдмейстера и Вальдмейстерская контора

² О расследовании дела о вырубке дубового и кленового леса в Нижегородской губернии. 1751–1753 гг. // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф.138. Д. 384.

– ликвидированы, а надзор за лесами перепоручен помещикам, «каждому в своих дачах».³

Последствия упразднения института вальдмейстеров не замедлили сказаться повсюду [4, с. 51]. В частности, на казанских лесах, откуда командор И. Козлов доносил, что леса значительно поредели и удалились от пристаней, так как «явилась им широкая самовольная порубка». На основе его донесений указами от 28 августа 1730 г. и 13 мая 1731 г. вальдмейстеры были восстановлены во всех местах, где они предусматривались вальдмейстерской инструкцией 1723 г. При этом предъявлялось требование там, где остались неописанные заповедные леса, годные к корабельному строению, «ландкарты учинить», описи и карты предоставить в Сенат, который должен принять решение об ограничении или запрете рубки на той или иной территории.⁴ Наконец, в 1732 г. было восстановлено Лесное управление в том виде, в каком оно существовало в конце петровского царствования с той разницей, что вместо обервальдмейстерской канцелярии в Москве учреждалась вальдмейстерская контора Адмиралтейств-коллегии, а суд, взыскание штрафов и расправа передавались из рук вальдмейстеров воеводам и губернаторам; через них же теперь должна была проходить вся деловая переписка между вальдмейстерами и Адмиралтейств-коллегией (ранее подчинение было непосредственным) [4, с. 51–52].

Вслед за восстановлением петровской системы управления и контроля вновь дали о себе знать и проблемы, связанные с этой системой. Примером того служит дело о злоупотреблениях вальдмейстера И.Д. Одинцова, который, как говорилось в доношении, «ездит многолюдством и с уездных обывателей берет многие взятки, ... требует вотки и простаго вина пятнадцать ведр, ... с уездных обывателей денгами и медом якобы в почесть рубли по два, по три, по четыре, по пяти, по шести и по семи рублев з деревни брал, ... а где не приносили ему обыватели денег, а приносили меду по полупуду, по пуду и по полтора пуда...». Помимо спиртных напитков и мехов, И.Д. Одинцов за несколько месяцев своего пребывания на посту вальдмейстера сумел собрать 887 рублей.⁵ Дело по своей сути вопиющее и потому привлечшее к себе вни-

³ Именной [указ], объявленный из Верховного тайного совета о назначении мест удобных для сплавки лесов, годных для корабельного строения, об уничтожении вальдмейстерских контор, о небытии вальдмейстерам и о надзоре за лесами воеводам каждому в своем уезде. 30 декабря 1726 г. // ПСЗ I. Т. VII. №4 995.

⁴ Сенатский [указ] об определении вальдмейстеров для охранения в Казарской губернии и в других местах лесов, годных на корабельное строение // ПСЗ I. Т. VIII. №5 612. Именной [указ] об описи заповедных лесов, сочинении ландкарт и о позволении рубить леса на предметы, означенные в Вальдмейстерской инструкции. 13 мая 1731 г. // ПСЗ I. Т. VIII. №5 755.

⁵ О наложении взыскания на вальдмейстера Одинцова за незаконную вырубку леса в Казанской губернии. 1742 г. // РГА ВМФ. Ф.138. Экспедиция над верфями и строениями Адмиралтейств-коллегии. Д.148.

мание властей. Документы, связанные только с крупными злоупотреблениями чиновников, назначенных к охране лесов, а также законодательные материалы дают основание говорить, что мелкие взятки относились к разряду «терпимой противозаконности» – мелкого и неизбежного зла, на которое не стоит обращать внимания.

Нижегородский прокурор, проводивший проверку по обращениям жителей, обнаружил отсутствие ландкарт и описей, что влекло за собой неразбериху. По мнению прокурора, важной причиной взяточничества являлось то, что вальдмейстерами назначались беспоместные отставные военные, использовавшие подведомственные лесные территории в качестве «кормления»: «Валдмейстеры запрещают обывателям не токмо рубить годной на корню лес, но и самой валежник, и объезжая деревни того и наблюдают, чтоб сделать привязку, сыскивая нет ли чего у крестьянина в домашних вещах из запрещенного лесу, в таком случае сей бедной не иначе как откупится или в городской тюрьме сидит, а потом наказание претерпеть должен...» В свою очередь, крестьяне, если уж они покупали разрешение на порубку, стремились к его максимальному использованию и вырубали гораздо больше, чем им требовалось на хозяйственные нужды, чтобы сделать запас на будущее и/или извлечь выгоду из продажи.⁶ Кстати, поступали так не только крестьяне. Так, владевший заводами в Витебской губернии поручик Масалов, получивший право вырубки до 70 деревьев в год из казенных дач за некую плату, вырубал леса по берегам сплавных рек без счета, в то время как большую часть материалов должен был приобретать из помещичьих дач.⁷ Отмечая, что такая система лесосохраны не способствует сохранению лесных массивов и не приносит государству выгоды, И.Л. Голенищев-Кутузов в 1763 г. предложил решить проблему путем передачи функций охраны и разведения лесов землевладельцам, заинтересованным в получении казенного вознаграждения за сдачу корабельного леса, чтобы «добрыя хозяева, ласкаясь надежным прибытком, приложили старание хранить и заводить дубовой и другие к строению судов удобные леса, и наблюдали бы того, как владельцы и сами хозяева, а не как приставники; и заводя таких лесов роци потомкам бы своим соблюдение и рощение их поручали, как почти известное безвинное к получению дохода средство».⁸

Важно отметить, что проект был предложен человеком, имевшим непосредственное отношение к Адмиралтейству, капитаном I ранга, директором

⁶ Мнение флота капитана I ранга Ивана Голенищева-Кутузова о заповедных партикулярным владельцам принадлежащих лесов и выписка из Вальдмейстерской инструкции 1732 года и из именных указов 1722, 23, 26, 29 гг. состоявшихся по охранению и разведению лесов. 1763–1764 гг. // РГА ВМФ. Ф. 147. Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления при Адмиралтейств-коллегии. Д.13. Л.1–11-об.

⁷ 1798 года сентября 15 дня в протоколе Адмиралтейств-коллегии записано ... // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1594. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-2.

⁸ Мнение флота капитана I ранга Ивана Голенищева-Кутузова... // РГИА. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 12. Л.1-11-об.

Морского шляхетного кадетского корпуса. Однако его проекты были отклонены. Собственно, едва ли он дал бы ощутимые результаты, так как количество вальдмейстеров в Российской империи было небольшим, многие территории были вне сферы их контроля. По действовавшему законодательству на многих территориях (в частности, в помещичьих дачах) предусматривались принципы управления, предложенные И.Л. Голенищевым-Кутузовым.⁹ Утверждение проекта не вело бы к усилению заботы «добрых хозяев» о сохранении и приумножении деревьев, необходимых для строительства кораблей.

Близки к идеям И.Л. Голенищева-Кутузова и взгляды И.И. Шувалова, склонного наделять ответственностью за леса не помещиков, а крестьян. По его наблюдениям, крестьяне бережно относились к ближним лесам. Поэтому он распорядился назначать «полещиков» в своих деревнях «от каждого селения по человеку и вести очередь понедельно или месячно и при смене одних другими непременно наблюдать, не было ли порубки леса, и за нерадивое смотрение на тех донести вотчинному правлению, а не наймам, потому более, что наемщики скорей могут в смотрение свое произвести из лесу траты нерадением и продажей или бедою в надежде, что никто их подозревать и усмотреть за ними не может...».¹⁰ В инструкции П.Б. Шереметева еще четче выражена заинтересованность помещика в действии лесоохранительного законодательства, которое является для него средством сбережения собственных богатств: «Леса, которые в крепостных моих дачах, беречь и въезда никому не иметь и не пущать не только объявно, но и с явками и от того не брать ничего и беречь прикащиком, и выборным, и полесовщикам накрепко, а буде кто порубит, записывать явочное челобитье и поймав с понятиями приводить в город...» [5, с. 280]. И.И. Шувалов считал необходимым повторение законоположения о штрафах за незаконные вырубки. Правда, размер штрафа, определенного И.И. Шуваловым для своих крестьян, был существенно ниже по сравнению с определенным общеимперским законодательством. По распоряжению помещика крестьян следовало за незаконные порубки подвергать телесному наказанию и денежному штрафу в размере 1 р. в первый раз, 2 р. – во второй, 3 р. – в третий.¹¹ Интересен и факт установления аналогичных правил крестьянским сходом. Он зафиксирован на Урале в середине XVIII в. Сход крестьянских общин принял решение «сохранить березовые рощи..., положив платить известный денежный штраф в приходские свои церкви за каждое срубленное самовольно дерево», т. е. в довольно отдаленном от столицы ре-

⁹ Ведомость лесам Новгородского уезда, годным на галерное, шлюпочное и ботовое строение, составленная на основании описей 1762 г. 1765 г. // Там же. Д. 71. Все леса, вошедшие в опись, находились либо под охраной самого землевладельца, либо (в большинстве случаев) были «отданы под охранение тех мест крестьянам».

¹⁰ Инструкция обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова для управления его селом с деревнями (Владимирской губ.) на р. Клязьме (1795–1797 гг.) // Университетские известия. Киев, 1909. № 7. С. 224.

¹¹ Инструкция обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова... С. 226.

гионе, где правительство не могло обеспечить на должном уровне контроль над исполнением закона, крестьяне оказались в наибольшей степени заинтересованными в реализации лесоохранной политики. Собственное их решение повторило основную мысль закона и частично переложило бремя контроля на собственные плечи. Результаты оправдали ожидания и усилия. Источник начала XIX в. свидетельствует: «ныне видны там изрядные березовые леса и рощи, где прежде была пустая степь» [2, с. 157]. Возможно, пример такого решения – скорее исключение, чем правило. Тем не менее, он показывает, что проблема сохранения лесных ресурсов осознавалась не только учеными и высокопоставленными чиновниками. Крестьяне, страдавшие от оскудения лесов, также задумывались о причинах дефицита, были заинтересованы и готовы принимать участие в решении проблем.

Существенные изменения в ситуации с охраной лесов повлекла за собой «Жалованная грамота дворянству» 1762 г., подтвержденная затем в доработанном виде в 1785 г. Хотя этого не прописывалось в тексте документа, в соответствии с ним должности вальдмейстеров в губерниях фактически ликвидировались, так как дворяне не хотели исполнять обязанность без жалованья [4, с. 99]. Леса оказались в ведении директоров государственной экономии или государственного домоводства. Исключение составили корабельные леса Казанской губернии. Указом 19 апреля 1767 г. они были оставлены в ведении Адмиралтейской коллегии, а охрана заповедных лесов возложена на деревенских жителей, которые должны были поочередно выполнять функции ответственных за леса чиновников.¹²

Спустя некоторое время, Екатерина II предприняла попытку решения проблемы собственности на леса и их охраны. Ее указ от 22 сентября 1782 г. критиковал законодательство предшествующего периода: «учреждения обращались более в стеснение собственности наших подданных, нежели приносили пользы Адмиралтейству». Ситуацию предполагалось исправить, предоставив владельцам неограниченное право распоряжения своими лесами и запретив рубку леса на нужды казны в помещичьих дачах: «все леса, растущие в дачах помещичьих, наследственных или другим законным образом в собственность приобретенных, оставить в полную их волю, хотя бы оные до сего и заповедными признаваемы были... Позволено каждому как внутри государства, так и при портах или границах мачтовые и всякие деревья продавать». Притом указывалось на правомерность такой меры – ведь для обеспечения нужд Адмиралтейства было достаточно казенных лесов, а рачительные хозяева могли быть сами заинтересованы в выращивании деревьев, которые потомками будут проданы в казну по высокой цене.¹³ С.В. Ведров охарактеризовал

¹² Сенатский [указ] о бережении заповедных лесов в Казанской губернии через смотрителей из тамошних обывателей, определяя их из каждого ж селения по очереди. 19 апреля 1767 г. // ПСЗ I. Т. XVIII. №12 876.

¹³ Именной указ, данный Сенату о распространении права собственности владельцев на леса в дачах их растущих. 22 сентября 1782 г. // ПСЗ I. Т. XXI. №15 518.

указ от 22 сентября 1782 г. как знаковое событие в истории лесоохраны. По его определению, этот документ положил конец истории охраны лесов в России. С этого момента «начинается, с одной стороны, история управления казенными лесами, а с другой – печальная летопись истребления частных лесов их собственными хозяевами вследствие необеспеченности и малопродуктивности лесной собственности вообще и стремлению потому к превращению лесной недвижимой собственности в деньги» [1, с. 171]. Однако указ был чреват не столько сам по себе, сколько слухами, которые стали распространяться быстрее его содержания, о том, что императрица освободила дубовые деревья от охраны и разрешила их свободную рубку, вследствие чего начались масштабные самовольные вырубки. Этому также способствовало бытовавшее в те времена мнение о высоких урожаях пшеницы на землях, бывших под дубовыми рощами [3, с. 32].

Таким образом, увеличение вырубок лесов при Екатерине II было обусловлено не столько собственно законодательством и уменьшением степени озабоченности правительства лесным вопросом, сколько практикой толкования и использования лазеек, чему отчасти способствовала либерализация пенитенциарной системы – фактически действовавший мораторий на смертную казнь, апелляция к более мягким, по сравнению с законодательством XVII в. – первой четверти XVIII в., мерам наказания.

Проблема невозможности контролировать неразмежеванные леса оставалась актуальной и в более поздний период, отмеченный ужесточением порядков и активизацией лесоохранной политики. Законодательство 1799–1820 гг. настойчиво повторяло задачу выделения собственно казенных земель, напоминало о проведении этого мероприятия и о необходимости ликвидации непрекращающегося истребления лесов. При этом новые законодательные акты настолько противоречили ранее изданным законам, что даже стимулировали дальнейшее увеличение вырубок [3, с. 33–34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ведров С.В.* О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878.
2. *Теринов Н.И.* Очерк истории сбережения лесов на Урале (XVIII–XIX вв.) // Тр. Ин-та экологии растений и животных. Вып. 105. Развитие лесообразовательного процесса на Урале. Свердловск, 1977.
3. *Цветков А.М., Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.
4. *Чубинский В.Н.* Историческое устройство управления морским ведомством в России. СПб., 1869.
5. *Щепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметьевых (1708–1885 гг.) М., 1947.

Поступила 10.01.14

UDC 630*902

The Questions of Property in Forests in Order of Their Conservation in Russia of the 18th Century

E.M. Lupanova, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), University Embankment, 3, Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: lupanova@eu.spb.ru

The article is based on literature sources and first introduced in the special literature the archive documents that help to reveal the problems arising from the changes of the government's position in the question of property in forests. The article focuses on the establishing process of the state monopoly on forests during Peter the Great's reign when the ship-building was developed active and the changing situation at the 18th century. The attempts to solve these problems by the legislation improvement and the projects that were left unrealized are under consideration. Throughout the 18th century the question of property was the central question for the forest integrity supposed by the Russian government. However the question "who should be the concerned owner in charge" was disputable. At the beginning of the century the navy-building led to the necessity of the state control over woodland and as a result the formation of the system of legal norms and bureaucracy to implement these norms. So, the idea of the forest conservancy was appeared and started to be realized in policy. But the methods of its implementation turned out to be not rather satisfactory as well as the expected results. Numerous sources testify that the illegal fellings, resource gluttony and other violations were typical for the Russian reality. So, the idea of the private owners as more effective managers unlike the officials, appeared. As a fact, the growing amount of fellings for the navy building and industrial development led to the solution of the problem of the forest conservation not only by the government. Peasants suffering from the lack of materials and firewood also came to the idea of the careful attitude to the environment. So, the forest conservancy became not only a part of the state policy, but also a part of the Russian collective consciousness.

Keywords: forest conservancy, Russia of the 18th century, legislation, interpretation of the law, property.

REFERENCES

1. Vedrov S.V. *O lesokhranenii po russkomu pravu* [Forest Protection According to the Russian Legislation]. Saint Petersburg, 1878.
2. Terinov N.I. Oчерк истории сбeрeжeния лесов на Урале (XVIII – XIX вв.) [Essay on the History of Forest Conservation in the Urals (XVIII – XIX centuries)]. *Tr. In-ta ekologii rasteniy i zhivotnykh. Razvitie lesobrazovatel'nogo protsessa na Urale* [Proc. Institute of Ecology of Plants and Animals. Development of Forest Forming Process in the Urals]. Sverdlovsk, 1977, iss. 105.
3. Tsvetkov A.M., Tsvetkov M.A. *Izmenenie lesistosti Evropeyskoy Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god* [Changes of the Woodiness of the European Part of Russia Since the End of the 17th Century to 1914]. Moscow, 1957.
4. Chubinsky V.N. *Istoricheskoe ustroystvo upravleniya morskim vedomstvom v Rossii* [Historical Control of the Naval Management and Administration in Russia]. Saint Petersburg, 1869.
5. Shchepetov K.N. *Krepostnoe pravo v votchinakh Sheremet'evykh (1708–1885 gg.)* [Serfdom in Sheremetyevs' Patrimonies (1708-1885)]. Moscow, 1947.

Received on Januar 10, 2014